

Мерлин в Хорасане

В городе Харате, насквозь пропахшем благовониями (казалось, даже солнце, а по ночам и полная ядреная луна пахнет шафраном), я находился уже неделю, прибыл из Нишапура на своем ослике. Здесь и сошлись звезды. Безвкусно и богато одетый нарумяненный незнакомец с лошадиным лицом громко окликнул меня и приятельски подмигнул. Это случилось в шумной толчее на базарной площади. Поначалу я даже не расслышал его, уж очень сладко кричали вокруг купчишки, наперебой расхваливая свой товар.

- Здравствуй, чужеземец! – пытался тот перекричать торговцев, махал рукой и шел в мою сторону, зло расталкивая локтями толпу.

- Здравствуй, - ответил я на его языке, уже владел языком достаточно сносно, чтобы понимать собеседника и даже изъясняться самому.

- Давай отойдем в сторону, чужеземец, иначе здесь нам не дадут поговорить... Восточный базар, что ты хочешь... хурма, шаурма там всякая, - уже спокойно сказал незнакомец, еще раз подмигнул и коснулся моей руки, голос у него был мягкий и убаюкивающий, обволакивал шафраном.

Я кивнул, но руку отдернул. Миновали пару узеньких улочек, удобно расположились в тени деревьев, а бодрое журчание фонтанчика было таким сладостным и блаженным. Захотелось опустить в фонтан ладони и смыть с них пот, но я не решился.

- Как тебя зовут, чужеземец? – спросил он и с удовольствием вытянул ноги.

- Мерлин, - ответил я, исподволь попытался рассмотреть собеседника... про таких говорят кожа да кости.

Незнакомец облизнул губы, а лицо и подведенные бирюзовым бесцветные глаза продолжают сиять радушием и приторной, как халва, сладостью.

- Меня зовут Гафур. Имел удовольствие слушать твою арфу... Грустная мелодия осыпалась с твоих струн... словно с небес мелкими кровавыми каплями сеется косой дождь, и от этого дождя не спрятаться и не убежать... ты один в бескрайнем поле, остается только запрокинуть голову и подставить дождю лицо... Запечалился... Не скажу, что на глазах выступили слезы... но что-то внутри ёкнуло... вспомнил еще одного поэта, что написал о городе, над которым однажды ночью пойдет снег... Жаль, что не удалось выслушать твою флейту.

- Нет, Гафур... ты не прав... То было всего лишь завывание зимнего ветра в пустом покинутом доме, где дверь болтается на ржавой петле... и ничего более.

- Да?.. Неужели я ошибся? - Гафур удивленно поднял густо насурьмленные брови, выдержал паузу и заразительно рассыпался смехом, звонко и от души. – Слушай, а ведь тебя удостоили высокой чести... рассказал про тебя хозяину... Так что пляши, музыкант... Вечером будешь играть у очень уважаемого человека. Потешешь гостей. В доме большой праздник.

Я скривился, точно поцеловал жабу, а жаба так и не превратилась в принцессу... Гафур ласково положил руку мне на плечо, зыркнул бесцветными глазами, за его спиной стояли трое солдат. Толстозадые солдаты напоминали евнухов, они лениво жевали и сплевывали сквозь зубы. Я согласился, обещали хорошо заплатить.

...Провонявшая специями, харчевня в Харате, где я сижу и играю в зернь с двумя немногословными купцами. Торговцы лишь изредка перекидываются фразами про цены на шафран, про злой сухой ветер, что зовется теббад. Утирают лоснящиеся от жары лица и шеи. Один из купчишек икает и бормочет шепотом. Насколько я понимаю их язык, ни слова о боге. Стараюсь, чтобы они иногда выигрывали. В этом случае купцы радостно цокают языками и хлопают себя по мясистым ляжкам потными ладошками. Кости почти беззвучно падают в плотном раскаленном воздухе. Жарит, я тоже обливаюсь потом. Жадно, большими глотками, пью желтый шербет. Начинаю нервничать, а от этого во рту у меня появляется горьковатый привкус, и вкус шербета тотчас становится мерзким. Прошел уже час, как она должна была появиться. Жирный краснолицый хозяин харчевни изредка стреляет по мне крошечными маслянистыми глазками, волосатый живот торчит из-под рубахи... Ее все нет... Солнце насыщается багровым, клонится к закату. Близится спасительная вечерняя прохлада. Беззвучно, мягко и умело, почти по-кошачьи, подкрадывается отчаяние и острыми холодными когтями сжимает мое горло.

... Всадник лихо осаживает лошадь, та заплясала, зафыркала, получила в лоб... Клубы красного песка и пыли... Торопливо спешивается, заученным ловким движением привязывает кобылу и ныряет в харчевню. Садится за дальний стол лицом ко мне и повелительным жестом, не терпящим возражения, подзывает хозяина. Тот начинает спешить, жирное волосатое брюхо гнусно колышется в такт его семенящим шажкам. Иссиня-черные, чуть бесовские глаза посылают мне жгучий поцелуй... Это она!.. Хм, а мужская одежда ей определенно идет... Мои руки тут же вспоминают смуглую нежную

кожу ее тела... сладостное путешествие моего языка по ее соленым от пота ложбинкам... Запах курений и светильников. Дурман... Наши тени яростно кривляются и пляшут на грязной стене, где она, истерично расхохотавшись до икоты, углем нарисовала ангела Исфафила с четырьмя крылами за спиной и какой-то трубой в руке... Бессвязные слова, слетающие с ее полных чувственных искусанных губ... Внезапно нахлынувший на меня страх... никогда вновь не увидеть снега... разбросанные листы пергамента по комнате, из-за которых все и началось...

...когда мои пальцы в синей вязкой вечерней духоте пощипывали струны арфы в доме богатого харатского чиновника. Гости пялились на меня, как на диковину из холодной страны. Хлопали вежливо, не более. Наверняка ничего не поняли. Лишь дочь чиновника, подойдя ко мне на расстояние вытянутой руки, спросила:

- Это песня о падающей в пустоту звезде?

Она говорила медленно, нараспев, четко выговаривая слова, чтобы я лучше смог ее понять. Я вздрогнул... Угадала?.. То, действительно, была песня о звезде, уходящей в черную промозглую пустоту.

Она подошла чуть ближе (я уловил запах тела, смешанный с благовониями) и понизила голос до шепота:

- Ты очень странный... чужеземец. Такой странный, что я хочу узнать тебя поближе.

... Уже через два дня наши тела не могли насытиться друг другом... Дешевая гостиница, запах жареного лука. Крюконосый хмурый молчаливый хозяин с отрезанными ушами представился Гасаном... судя по глазам – пройдоха, себе на уме, да и на доносчика смахивает. Скрипучие подгнившие ступеньки (того и гляди, навернешься), крошечная грязная комнатка на втором этаже под самым чердаком. В комнатке тоже запах еще тот... Через неделю я узнал, что ее считают распутной... И в этой крохотной комнатке с грязными простынями, она принимала и Юсефа (сына купца Зияуддина), и начальника стражи Инсара, и некую сомнительную личность с бегающими крысиными брусничными глазками (он просил, чтобы его называли Малик), и... хватит об этом.

...Закинув полные смуглые руки за голову томная и чуть растерянная Фарида внезапно спросила... Откуда в моих краях известна песня о падающей звезде?.. Не дожидаясь ответа, зевнула, продолжила (а речь уже была вялой, глаза закрыты, слова пропускает, заговаривается), что ведает о моем увлечении халдейской мистикой и нумерологией, и знает, где в дворцовой библиотеке лежит пергамент на чужом языке,

испещренный символами. Об этом пергаменте ей рассказал странный человек по имени Малик, что был послан для работы в здешней библиотеке самим Абдулькахаром. Малик около месяца не разгибал спины и почти не видел солнца, питался всухомятку в пыльных комнатах, пахнущих мышами, разбирая сии необычные письма. С его слов (не стала уточнять, когда же он ей успел рассказать)...

В них говорится о рождении младенца в некоей северной стране. Младенец будет кричать, не заткнешь. Мать, освободившись от бремени, скулить весь день. Повитухе отрежут язык и выколют глаза. В стране постоянно хлещет дождь и висят стылые туманы, туманами пугают, о них же слагают анекдоты. Хилый ребенок появится после прелюбодейской связи. Жестокий и коварный правитель той страны возжелает жену своего самого верного вассала, она тоже захочет его до тянущей боли внизу живота. Младенцу будет угрожать множество опасностей. Его захотят отравить, чтобы тело пошло черным и начало гнить, распространяя зловоние. Либо выколоть глаза и закусить сладким детским сердцем, трепещущим всеми своими еще крошечными прожилками. Или же, с пакостным смехом, во время хмельного веселого празднества с лютнями, волынками и плясками, бросить тельце на потеху дракону с желто-золотистыми глазами, чтобы посмотреть насколько долго тот будет забавляться с ним, пока не сожрет... Также рассказывается, по каким лабиринтам, каким способом, необходимо будет пройти, дабы избавить ребенка от этих и других угроз. И тогда, возможно, придет время мистического королевства. А вот надо ли будет в нем умирать?.. Об этом ничего ни сказано... Именно в этом сочинении и есть нечто о падающей звезде...

Я тупо глядел в потолок, грязный с разводами, с паутиной по углам. Жилки на висках бешено пульсировали, ноги были холодными, словно окунулись в липкий студеный туман той самой страны, страх скользкими щупальцами полз по телу, заползал в чресла и покрывал меня гадкой слизью. Я шмыгнул носом и повернулся к ней. Голая она была еще восхитительней и желанней, полный живот со складками ее совсем не портил.

- Ты угадала. В моем знании не хватает именно этого рассказа, - сказал я просто.

... В тумане и приторном аромате чадящих свечей и благовоний мы читали друг другу стихи. Она нежно шептала мне в ухо ласковые прозвища пополам со сквернословием. Я входил в нее по-животному, без ласк. На грязном полу, среди мусора и битых черепков, валялись листы пергамента на незнакомом языке, предвещающие рождение какого-то принца от прелюбодейской связи, когда звезды сойдутся...

- Что тебе за это будет? – спросил я и щелкнул нарисованного на стене Исрафила по носу.

- Если хватятся и узнают, кто это сделал... то, должно быть, сначала извращенно, в две дырки, изнасилуют стражники, а потом выведут на базарную площадь и прилюдно забьют камнями до смерти, - расхохоталась Фарида.

- Могут не узнать? – я отвернулся от стены... показалось, что ангел взглянул на меня как-то развязано и нехорошо.

- Узнают наверняка... Узнают даже, для кого я их взяла... Помнишь Гафура, что привел тебя в наш дом. Он уже намекнул мне об этом сегодня утром, когда на улице еще стояла такая сладостная прохлада и приятно щекотала спину... а я отсчитывала часы и минутки до нашей встречи.

- Фарида... Скажи, зачем ты это сделала?

- Надоели другие мужики... - она зевнула, запустила пальцы в мои волосы. - Я хочу принадлежать тебе. Запах твоего тела будоражит меня и мне впервые ни хочется блевать после соития... Ты знаешь... наверное для каждой женщины на свете есть всего лишь один единственный такой запах, когда нет нужды притворяться... Жаль, что этот запах не из нашей земли... Знаешь, иногда я хочу уплыть с тобой в твои края. Ты так забавно про них рассказываешь... или красиво врешь... Ты знаешь... мне даже кажется, что я вижу, как всю ночь в мягкой радостной тишине над тем самым городом сыплет снег.

- Я увезу тебя завтра.

- Дай мне неделю. У меня еще есть дела.

- Пергамент необходимо вернуть?

- Конечно. Я сделаю это утром... Синяки от камней обезобразят мое тело.

Через неделю, накануне отъезда, мы все так же не могли насладиться друг другом. Дурмящие травы не убывали. Она знала, где их надо покупать. В одном из домов Веселого квартала траву не бодяжили. Искусанные в кровь губы искали губы. Стихи мы больше не читали, да и слова были уже не нужны в принципе. Мокрые от пота, лежали молча. Было слышно, как внизу пытается напевать безухий Гасан. Он принимался за одну и ту же песню несколько раз, забывал слова, сбивался и начинал заново, прочистив горло. Я впервые узнал, что молчун склонен к пению. Хотел спросить у нее, что это за песня, что ее может петь человек без слуха... Раскрасневшаяся, с пунцовыми пятнами на шее, Фарида еще раз повторила:

- Жди меня в харчевне, что на западной окраине города.

Я кивнул, лежа на спине в кошмарной сладости. Только что опростал миску отвара и выронил ее из обессиленных пальцев, закатывал глаза. Ангел Исрафил на стене похотливо ухмылялся.

Фарида резко и внезапно нависла надо мной. Я глядел на нее сквозь клочковатый сладостный туман, зашелся в смехе... как забавно качаются тяжелые груди, лицо любовницы искажалось и уплывало в пустоту. Казалось, что и она тоже нарисована углем на стене. Нарисованная Фарида заглянула в мои нарисованные глаза. Интересно, что она там увидела?..

- Я возьму с собой тот пергамент... - шептала она - Ведь тогда ты будешь любить меня еще крепче... не так ли, Мерлин?

... Провонявшая харчевня в одно мгновение раздвинулась до бесконечности и стала вселенной. Выброшенные мной кости перекатились и успокоились на жирном столе совсем не так, как я захотел... да и черт с ними. Купцы взглянули на меня с сожалением, один из них зевнул и лениво почесал волосатую грудь. Фарида некрасиво, как-то набок, бессмысленно улыбнулась и, воровато оглянувшись, мимолетно показала мне листы пергамента из-под рубахи. Уткой, переваливаясь на коротких полусогнутых ножках, хозяин спешит принести ей шербет, который так славно утоляет жажду. Я чувствую, как от его босых немытых ног идет нестерпимый тошнотворный запах.

Ну, наконец-то... Пора в путь. Скорее, скорее в дорогу. Я поднимаюсь, собираюсь расплатиться, подмигиваю купцам и достаю кошелек.

Хриплые ругательства, лошадиный храп и запах конского пота приторно виснут во дворе. Приготовленные монеты углями начинают жечь мою ладонь. Я узнаю лошадиное размалеванное лицо Гафура. Взгляд его вылинявших глаз бесцельно шарит по сидящим. С ним трое в тюрбанах набекрень с обнаженными саблями (как чудно блистает сталь в закатных лучах). Хозяин поспешно и подобострастно склоняется, бормочет, хрипит, живот чуть не до земли (голова хозяина, оказывается, совсем плешива, как я сразу не заметил). Гафур медленно, неуклюже, точно провалился на постели целую вечность, идет к ней на деревянных ногах. В ее глазах я вижу растерянность и мольбу пополам с верой. Гафур чешет кончик своего носа и целомудренно берет ее за запястье, другой рукой, уже не стесняясь, лезет под рубаху, успевает помять ей складки на животе... запустил руку ниже, сука. Вытаскивает листы. Мне кажется, его трясет, как с жуткого перепоя. Костистая, без

мышц и жира, фигура поворачивается ко мне спиной. Смотрю на смуглую тонкую потную шею... Самое время. Мгновение, всего один прыжок и лезвие моего кинжала будет у него между лопаток. Я даже слышу, как хрустко расслоится плоть, а он хрюкнет и блеванет кровью. Спина, как чувствует это мысленное прикосновение ножа, нервно вздрагивает, судорожно поднимая лопатки. Гафур резко оборачивается... Ничего не выражают бесцветные глаза. В его руках листы пергамента. Идет ко мне, щерится на мой кинжал, пот течет по лицу градом, на губах остались отпечатки зубов.

Говорит тихо, сбиваясь на шепот, стараясь не нарушить повисшую звенящую тишину:

- По-моему, это тебе, Мерлин. Уже изнемог от желания?

Протягивает листы. Я едва сдерживаю инстинктивное движение рукой навстречу. Конечно же, первое дело, когда что-то протягивают тут же цепко схватить... Листы рассыпаются и начинают слишком долго падать в густом терпком воздухе, за это время можно все вспомнить.

Когда ее повели, грубо и пошло толкая в спину, она даже не обернулась, только ссутулилась... Я ошибся, и вовсе ей не идет мужская одежда. Костяшки пальцев моей правой руки белы. Я никак не могу разжать ладонь, судорожно обхватившую рукоять кинжала, клинок которого закален в ночь на Пятидесятницу. В левой руке монеты начинают медленно сочиться сквозь пальцы... Гафур делает знак. Мои партнеры по игре тут же поднимаются, на ходу допивают шербет, утирают пот с лоснящихся угреватых лиц. Уходя, купцы подмигивают, издевательски усмехаясь, хлопают меня по плечу.

Какой же у нее запах?.. Мои глаза начинает саднить, словно в них бросили горсть жгучего красного песка или перца. Хочется проморгаться, но слез нет.

... Иногда, я начинаю себя убеждать и сам в это верю... что ее взяли и простили, и не один стражник так и не посмел коснуться ее тела.

Про пергамент?.. Когда я поднял листы, то не увидел того дивного незнакомого языка, никаких символов и созвездий. Обыкновенная арабская вязь. И одна единственная фраза на всех листах... «Свет подышающей звезды задуло сквозняком»... Я начинаю хохотать, чуть не обмочился, а хозяин испуганно смотрит на меня, как на умалишенного, боясь вымолвить хоть слово, только все вытирает и вытирает грязной тряпкой свою плешь.